

18+

Леонид Франчевский

ВЕТЕР

Сборник верлибров

Леонид Франчевский
Ветер. Сборник верлибров

«Издательские решения»

Франчевский Л.

Ветер. Сборник верлибров / Л. Франчевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512251-3

Настоящее издание представляет собой второй сборник стихов московского поэта Леонида Франчевского. В отличие от первого сборника «Вечный Жид» (Нальчик, 1992) он включает в себя только верлибры, созданные на протяжении трех десятилетий. В них отразилась попытка философского осмысления мира человеком, чье взросление пришлось на позднесоветскую эпоху, его стремление найти свое место в новом социуме.

ISBN 978-5-00-512251-3

© Франчевский Л.
© Издательские решения

Содержание

К Читателю	6
Ветер	9
Этюд – 1985	12
Стержень	13
Май	15
Бесконечность	17
Безвременье	18
Город	19
ИзБЫточность	21
Призраки IV	22
Урок рисования	24
Петь I	26
Стихи от одиночества	28
Стихи от одиночества	30
Толпа	32
Mea culpa	34
Заповеди нищеты	36
Если верно...	37
Аніма I	38
Прощание VI	39
Мечта о тишине	40
Бегство IX	41
Без музыки	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ветер

Сборник верлибров

Леонид Франчевский

© Леонид Франчевский, 2020

ISBN 978-5-0051-2251-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К Читателю

У Вас в руках книга, отмеченная талантом и мастерством. Книга редкая – сборник верлибров. Верлибр (франц. vers libre) – особая система стихосложения, свободный стих. Он свободен от рифмы и размера. И в то же время это поэзия. Верлибр требует от автора высокого поэтического мастерства. «Он фиксирует акт саморефлексии, потока сознания. Это способ познания автором мира и самого себя» (Д. Самойлов).

Каждый истинный поэт создает свой неповторимый художественный мир. Это сложный духовный процесс, обусловленный мироощущением творящего. Мир, творимый Леонидом Франчевским, – это мир высокого духовного бытия, противопоставленного «асфальтовой повседневности», «затхлости обреченного»:

«О, пустите меня в бесконечность! [...]
Я дома – только там.
В безмерности небес и буйстве света...»
Там – «высшее блаженство духа».

(«Бесконечность»)

Небо, небеса, бесконечность – знаки метафоры духовного взлета. Автор зовет «вернуться к высоте лицом» – от обыденного к вечному. «А для чего еще жить?» – вопрошает он в стихотворении «Жажда IX»:

Жить, «чтобы видеть небо и... разгадывать эфемерные тайны облаков». Жить, чтобы «слушать песни, ...напитанные бесконечностью и выдержанные в душе». Жить, чтобы «находить в глазах близкого человека глубину понимания, согласия и тепла». Жить – «уметь отыскивать мгновения, ...вобравшие в себя всю жажду собственного дыхания и отчаяние надежды. – А для чего еще жить?» («Жажда IX»)

Природа, музыка, миги понимания и тепла – отличительные вехи художественного мира Л. Франчевского. Он умеет одухотворять, оживлять природу. Прорыв к высшему, небесному происходит через органическое единство с миром природы. Май – оживает природа: «Я тоже оживаю». «Пьянящее желанье жить... обжигает кровь и кожу» в период цветения; приходит лето – «Я яростно до осени дышу» («Май»).

Природа оживляет «потоки спавших музыки и слов, искрящиеся жаждой воплощения». Природа стимулирует творческий процесс.

Художественный мир автора пронизан музыкой. Музыка как звучание идеального мира, бесконечности:

«... живу только музыкой:
Музыкой в форме слова,
Музыкой в виде строфы,
Танца,
Уходящего времени;
Музыкой тишины,
Прилива,
Французской речи;
Музыкой,
...Без которой я – ничто».

(«Бегство XI»)

Той же теме посвящены другие стихотворения («Нараспашку», «Нить Ариадны III», «Две скрипки»). Некоторые стихи и циклы названы музыкальными терминами: Largo, Andante, Concerto. Моцарт, Вивальди, Бах – это разговор с высоким небом, духовный взлет: «Набрать бы музыки полную душу», – мечтает автор («ИзБЫточность»). Она дает силы противостоять серости жизни, творит «мозаику души», рубцует раны: «Так бережно... на все открывшиеся раны наложишь ласковые швы» («Нараспашку»). Музыка помогает расти духовно, вникнуть в бесконечность, осознать свое высокое предназначение и соответствовать ему – «выводить свою единственную мелодию» («Вот такая весна») и быть «человеком с глазами, в которых – душа».

В художественном мире Л. Франчевского слышен голос Жака Бреля с его песнями, исполненными глубинного смысла («Если верно»), взлетают пронзительные звуки танго «Jealousy», тревожат душу средиземноморские и латиноамериканские мелодии. Эти звуки «в одном порыве сопрягают души». И автор вливает в них «Свой голос-крик, Свой голос-луч, Свой голос-птицу» («Петь I»). Автор призывает «Пока душа открыта небесам, Ловить в себе мелодию Живого» («Петь I»). Пение – нить, соединяющая человека, «душа которого открыта небу», с музыкой небес, бесконечного, как выражение жизни духа. И, наконец, музыка в танце, в танце сокровенном, молитвенном («Молитва в танце»). Танец как путь «я» к «Ты», ориентиры которого Ты, Твой путь, Твое дыхание, Твой луч, Твоя стихия. «Ты» – высшее проявление духовного бытия. Этот танец – «пламя быть в себе и вне себя». Он рождается «в минуты сокровенья и первобытной радости любви».

В художественном мире Л. Франчевского человек, «душа которого открыта небу», который силится постичь гармонию его, обречен на одиночество, страдание. Он в мучительных поисках родственной души, способной к пониманию: «Человек! Я к тебе пробиваюсь...» сквозь мир, «Где бродят неприкаянные души, Где даже фонари сиротствуют, как люди» («Две скрипки»). А так

«...хотелось бы, однако,
Чтоб рядом кто-то был, столь близкий,
Кого я мог бы по щеке погладить, взять за руку и посмотреть
в глаза —
И в них найти желанные ответы на все тревоги бытия».

(«Поиски близости»)

В этих стихах тоска по духовному общению, «апелляция к пониманию и сочувствию».

Но одиночество может быть жизненной позицией в противостоянии толпе, когда жажда единения с другими людьми неосуществима из-за непохожести души:

«О, обними меня
Как можно крепче,
Одиночество мое!»

(«Толпа»)

Выход из внутреннего одиночества мыслится через любовь и дружеское участие. Любовь как вхождение вечности в жизнь неизбежно связана со страданием. В человеке в этом художественном мире – готовность к страданию, способность страдать искренне и глубоко, воспринимать страдание как критерий истинности бытия. И предвидя все сложности любви – «бурный шквал» чувства, неизбежность его угасания, опустошенность в результате – он заявляет:

«Всё это вижу.
Всё это принимаю.

И потому —
хочу любви.
Боюсь любви».

(«Предвидение II»)

В верлибрах содержатся раздумья о губительном влиянии бескрылой повседневности на душу человека. Люди, подверженные этому влиянию,

«...не умеют страдать,
Мучиться по пустякам,
И уже не способны к счастью...
У них в комнатах сыро от лени,
Душно от отсутствия мысли,
И клонит в сон от пустоты в глазах»

(«Без музыки»)

Все их пути ведут не к свету, не наверх, а в темноту, «Навстречу ветхости, уродству, тлению души» («Тем вечером»). «Руки робота мелких людишек формуют» («Этюд-1985»).

Выстоять, не сползти в «пучину суеты», сохранить себя, свое предназначение —

«Занять свое одинокое место,
Собою стать
и до конца остаться
Тревожным голосом,
высоким, но понятным,
Совестью, зовущей
от обыденного к вечному,
от забытого к живому...»

(«Проснуться поэтом»)

Для движения духа «от обыденного к вечному» необходимо уметь слышать «голос, идущий из открытых далей, Улавливать его напор» и творить ответ в музыке или слове, добавив «светлый звук в гармонию Вселенной» («Хотя бы изредка», «Под звездами»).

Читатель! Добро пожаловать в художественный мир Леонида Франчевского.

М. Д. Якубовская, к.ф.н, профессор МАРХИ

Ветер

Рано или поздно... Несбывшееся зовет нас...
(А. Грин)

I

Завтра
Ветер переменится.
Я проснусь на рассвете,
Я услышу зов ветра,
Я шагну в его шквал, —
Он сметет все былое
(Горечь, боль и надежду)...
Не жалея уйду,
Дерзкий; заново ставший,
Брошусь в дождь и туман...

II

Ветер
Приведет меня к морю.
Я увижу город —
И узнаю сразу
Давнее пророчество:
Давний детский сон.
Я увижу в порту
Корабли:
Сильные и мощные,
Стройные и изящные,
(Которым легко плыть по морю),
Но я,
Подойду только
К самому неприметному —
И взойду на него.

III

Тихая церковь.
Усталый священник — с книгой.
Захожу.
— Что нужно?
— Мне сегодня — в море.
— Море — бездна без цели.
— Я привык — без цели,
Так, что самый мираж ее
Меня гонит в бездну.
— В море нужно — силу.

– Мне не нужно силы,
Чтоб остаться с морем:
Мне давно вместо силы —
Отчаянье.
– Ну, а если – смерть...
– Жизнь со смертью – сестры:
Возлюбив одну,
От другой – не скрыться.
– От себя бежишь?
– О! ... Себя – обретаю!
– Примешь ли крест?
– Не приму креста:
Осенен им вечно.

IV

Море все искупит:
Вечный путь к горизонту,
Непокорный отблеск
Всех метаний неба, —
Буду служить ему
Болью своею.
Канатами – руки в кровь сотру,
Надорвусь – парусами,
Палубу – горбом надраю:
Лишь бы,
Задыхаясь штормом,
Посекундно хватать глазами,
Там, за гущей серого неба —
Далекую светлую полоску...
Все пройду за это.
Выдержу, выложусь, выжму,
Вытяну, выгребу, выберусь, —
Выживу!
И с криком «Земля!» —
Вновь собою стану.

V

Все это будет лишь начало,
Начало Дел.
А дальше – будет и любовь,
И сила, и полет, и нежность...
Все будет, – да!
Все будет – трудно.
Я обучусь всему, как морю.
Все будет трудно:
Будет – полно!
И шаг за шагом

Неначатое – приоткроется,
Несделанное – завершится,
Неприкаянное – уверится...
Все это будет лишь начало,
Начало Дел.
Свидание живых надежд.

VI

Все будет так, я верю.
И разогнется спина,
И расправятся плечи,
И просветлеет взгляд:
Очистится душа.
Все будет так, я знаю, —
Потому что
Все слезы уже выплаканы,
Все молитвы сказаны,
Все родники отравлены,
И время уходит в небытие
Раньше нас.
Сегодня – не существует:
Есть только Вчера...
Но – Завтра!
Завтра —
Ветер переменится.

Дожить бы до завтра...

Июнь – июль 1985

Этюд – 1985

Вот какое досталось Время!
Его сердце почти замуровано в камне,
Его легкие хрипят железной пылью,
Высох мозг под бременем цитат, —
И пустые... пустые! – глаза...
Ненасытные алчные губы,
Обагранные кровью вчерашних и нынешних жертв;
Руки робота мелких людишек формуют
По подобию точному.

Страшно среди них,
Суесящихся, но никуда не идущих,
Столько знающих, но не творящих – себя:
Потому что есть только одно,
Чего Время – такое – боится,
Что его превращает – в стекло, —
(А, казалось, что проще!) —
Лицо.
Лицо Человека с печатью надежды и боли.
Лицо Человека с глазами, в которых – душа.

16—17 ноября 1985

Стержень

Seul compte pour l'homme le sens des choses...
A. de Saint-Exupéry

Человеку важен только смысл вещей...
A. de Сент-Экзюпери

Вы, одержимые горячим увлечением
И преданные лишь ему,
За ним не замечая истязаний;
Вы, верящие в силу воли —
И силой покоряющие жизнь,
Которая, однако, мстит за это;
Вы, спрятавшиеся в любовь
И видящие в ней единственное счастье;
Вы, божеству холодному молящиеся;
Вы, славящие царствие машин;
Вы, посвятившие себя возвращению потомства:
Вы, не сказавшие ни разу в жизни «Нет!» —
Мне жаль вас:
Вы бежите главного.

Вы, сползшие в пучину суеты
И душу растерявшие в заботах,
Погрязшие в реальности слепой;
Вы, разменявшие себя таланты,
Потворствующие толпе;
Вы, столь влюбленные в «искусство» —
И видящие в нем одну лишь мишуру;
Вы, льнущие за помощью к земле:
Вы, отказавшиеся от себя самих, —
Мне жаль вас:
Вы бежите сущего.

Я не судья вам, я такой же человек.
Я знаю: проще жить меж призраков надежды,
Я знаю, — я и сам так жил.
Есть масса способов бежать священной боли,
Есть миллионы самых веских оправданий,
Есть множество испытанных путей.
И все-таки...
Пусть вас не удивит,
Когда я вам на слово не поверю
Или на дело не взгляну.

Вот потому перевелись мужчины:

Ответственность никто не хочет брать
За то, что родились на этот свет,
За высшее свое предназначенье.

19—22 марта 1986

Май

Весною ко мне возвращаются
Мои старые призраки:
Видения того, чем я не стал,
И, верно, никогда уже не стану.
Внимая пробудившемуся небу,
Недавно лишь начавшему дышать,
Я тоже воскресаю – к боли.
С первым весенним дождем,
С первыми раскрывшимися листьями,
С первой пролетевшей бабочкой —
Морозный сумрак, сковывавший душу,
Сжимается и тает, оживляя
Потоки спавших – музыки и слов,
Искрящиеся жаждой воплощенья.
Но кровотокащие —
Обреченностью на немоту.

И даже позже,
Когда деревья расцветают,
Пьянящее желанье жить
Мне обжигает кровь и кожу
И раздувает мне мехи в висках...
Как краток миг цветенья...
Всего лишь дни – и я уже смотрю
На белые, живые лепестки,
Разбросанные по асфальту,
И мучаюсь: как пронести в себе
До мая нового —
Их жгучий, терпкий запах,
Дарящий свежесть выжженной душе.
С их смертью возникает Призрак Часа,
И я вступаю в схватку с ним, —
И каждый раз его перебороть
Мне стоит муки и ожесточенья.
Я в этой схватке пробуждаюсь до конца:
Отныне
Так обнаженно, близко бьется сердце,
Что каждая царапина мне – рана,
Что каждый вздох граничит с исступленьем...
Лишь тогда
Я понимаю – медленно и робко,
Что лето выросло во мне.

С началом лета:
С началом яви – после сна,

С началом жажды – после боя
Приходит вожденье – Быть, —
Обманутое праздником природы,
Но все равно —
Неодолимое в священной простоте,
Как крик
Всего живого, человеческого,
Естественного: должного затем, —
Отказывающегося верить
В клеймо изгойское.
В неправду слов,
В поддельность чувств людских.
Тогда – на краткий миг – я оживаю
И яростно – до осени – дышу...

Но в эти дни,
В еще-начало лета,
Когда закатно увядает
Вернувший мне дыханье май,
Я думаю с тоской,
Что вот, опять не уловил чего-то
В его свободном, девственном расцвете,
Что лето слишком страстно торопил —
И тайну потерял его прихода.
Так, видно, до конца не обрету
Весной – покоя,
Мая – в тишине.

Зимой я живу – желанием лета,
А летом – надеждой на Жизнь.

Май 1986

Бесконечность

Пустите меня,
О, пустите меня – в бесконечность!
Воздухом вселенским надыхаться,
Бескрайности дайте – отдаться,
Костями – нет: крылами – ощутить
Упругую насыщенность полета
В пространстве все-возможности...
Не выдуманной: яркой и живой,
Где выбор лишь за мной и путь искрится.
Я дома – только там.
В безмерности небес и в буйстве света
Гуляю по молочным облакам —
И упиваюсь мудростью свободы.
И мне так больно ясен горизонт.
И мне открыта вечность.
И мне покорна красота.
И мне смешны земные частоколы,
И жалки те, кто их не смеет преступить
Во имя высшего блаженства духа.

Сентябрь 1986

Безвременье

Я родился слишком поздно, чтобы жить
(Или слишком рано).

Я выжил слишком поздно, чтобы быть
(Или слишком рано).

Я стал слишком поздно, чтобы любить
(Или слишком рано).

Я полюбил слишком поздно, чтобы знать
(Или слишком рано).

Я узнал слишком поздно, чтобы понять
(Или слишком рано).

Я постарел слишком поздно, чтобы умереть
(Или слишком рано).

И я больше не знаю, чего ищу—
Между прошлым, которое кануло,
И будущим, которого нет.

Ноябрь 1986

Город

Утренний город:
Пепельно-серый,
Каменно-грязный,
Еще с тенями под глазами
И ржавчиной голодных труб,
Что распахнули свои жерла
И в небо целятся...
Застывший город:
Глухонемой.

Город дневной:
Потный и склочный,
С бородой всклокоченной,
Глаз желчью налит,
Жаждою плещущий,
На все голоса щебечущий,
Рвущий, скрежещущий, —
И все-таки:
Глухонемой.

Город вечерний,
Город ночной:
В темноту зарытый,
В холоде метущийся,
Бездомно-неприкаянный,
Ослепший от одиночества, —
Брошенный,
Сдавшийся:
Глухонемой.

Чем озвучить этот город?
Как наполнить этот мир —
Всеобъемлющей мелодией,
Души солнце-просветляющей,
Зажигающей глаза,
Задающей вечный смысл
Воле,
Голосу,
Словам?
Чтобы с неба звуки капали
Каждому — прямо на сердце,
Чтобы двигалось с достоинством
И дышалось — без усилия.
И захватывало дух
От счастливой жадной мысли,

Что и завтра предстоит —
Снова жить!
Жить заново...

Чем озвучить этот город?

Ноябрь 1986

ИЗБЫТОЧНОСТЬ

Набрать бы солнца – полные глаза,
Набрать бы воздуха – полную грудь,
Набрать бы мгновения – полное сердце,
Набрать бы музыки – полную душу,
Набрать бы вечности – полную память, —
И столько бы еще всего,
Что ни в одно счастье не уместится...

Вот так вся жизнь пройдет —
В сослагательном наклонении.

Набрать бы солнца – полные глаза...

Июль 1987

Призраки IV

Дитя рождается нагим,
Оно еще – душа без тела,
Не знающая искуса тщеты.
Но сразу,
Желая уберечь его от боли,
Ребенка начинают пеленать
В тяжелые и плотные покровы,
Считая немощь главным преступленьем.
Так,
С самых первых дней своих
Ново-рождённый Человек
Чужой заботой прочно привыкает
Скрывать себя – от самого себя.

Потом – живет, наращивая тело
(За ним стараясь душу позабыть).
Себя готовит к жизни среди тел,
Которым кожа крепче всех покровов,
А жесткий разум как броня от боли...
И вот он, наконец, вступает в Жизнь.
Она, плутовка,
Смеется, забавляется, играет,
Ему бросая новые пеленки,
Закутывая с ног до головы.
Он – с жадностью какой! – рядится в них,
Хватая всё —
всё, что достанут руки.
В конце концов, затянутый до хрипа,
Что делать! – начинает верить сам,
Что смысл – один,
Что он – в покровах этих,
И что они и есть его душа.

Раскаянье бывает поздним,
Когда вообще приходит, – чаще нет.
И униформа заменяет кожу
И честь, и постоянство, и любовь,
И даже вечность:
Редко расправляет Смерть
Черты лица, собравшиеся в маску —
В предвзятую гримасу слепоты...

О, как вас много, люди-невидимки!
Вы – властелины мира.
И никто уже не смеет

К вам подойти поближе
И увидеть,
Что все костюмы ваши и мундиры
Давно пусты:
В них – Человека нет.

Июнь – август 1987

Урок рисования

Когда сегодня я смотрю в окно
И вижу этот день промозглый,
В котором небо, люди, талый снег
Слились в одну бесцветную палитру,
И я в нем даже дома – неприютен,
И даже рядом с близким – сирота, —
Я ощущаю запах мертвечины...
И тогда
Испуганно – в отчаянье последнем —
Хватаю ластик слева под рукой;
Мучительным рывком нетерпеливым, —
Я всё стираю.
Всё стираю:
Всё.

Хочу построить этот день
Сплошь наново:
Хочу в нем быть – свободным
От груза нажитых долженствований.
Однако знаю: этот день —
Всего лишь следствие других,
Вершина их, прошедших раньше,
И чтоб его стереть, мне будет нужно
Стереть всё то, что было до него.

Столь многое мне хочется забыть,
Что сны свои я называю явью,
И в памяти моей перемешались
Видения с пережитым.
И пусть мне прошлого совсем не жаль,
Я не люблю в нем многих поворотов.
На будущее я не уповаю, —
И лишь во сне без напряженья вижу
Себя – другим,
И мир – таким, как я.

Из снов своих я нарисую новый день,
Заполню холст всем тем, что нужно для дыханья.
Здесь будет небо, яркое – до слез,
На нем – ни облака.
Река и лес... Нет, лучше – море.
Еще, конечно, горы. И закат,
Как в Первый День, всеобещающего цвета.
И будет музыка: в ней все обрящет смысл.
Ну, и конечно, буду я, —

Не я сегодняшний,
Другой, из снов: Другой.
Я всё начну с нуля,
Но только в том, желанном, новом дне
Не встречу я ни сожалений, ни ошибок,
Ни лжи, ни тягот, ни предательств.
Ни стихов.
Отброшу все уроки мудрости земной.
Открою душу для любви и сокровенья
И всю ее отдам, теперь – без муки.
И этот день родит цепочку дней,
В которых ластик будет мне не нужен.

Но, что это?
Как страшно, Боже...
На ясном, солнцем залитом холсте
Безжизненным кошмаром проступает
Почти уже забытый, стертый день...

Июнь, ноябрь 1987

Петь I

Chanter

Il faut s'y jeter à tue-tête...

Jean Ferrat

Петь:

В это надо бросаться сломя голову...

Жан Ферра!

Я петь хочу.
Я петь хочу, как все гитары мира,
Звучаньем чистым душу затопляя:
Осуществить священное соединенье
Тепла древесного и человеческого сердца
Через прозрачную струну.
Я петь хочу, как карнавал, как праздник,
Как крестный ход освобожденной плоти —
И в танце легкость обрести,
Которой так мне не хватает в жизни.
Я петь хочу под звездной ночью:
Петь, голову закинув ввысь,
Чтоб дальше звезды отраженным светом
Несли внимательным глазам людей
Мои слова и музыку и смысл,
В одном порыве сопрягая души...
Ведь только так и стоит петь:
Петь, забывая обо всем,
Петь, ни о чем не забывая.

А кто споеет всю боль мою,
Когда не сам я...
Со дна доисторических глубин
Моей вселящей, всеприсущей Боли
Сквозь толщу черной слепоты,
Сквозь марево истлевших судеб
За прожитые ими чад и смуту,
За все непрожитое солнце —
Со всею обреченностью живого
Пущу к безмолвным небесам
Свой голос-крик,
Свой голос-луч,
Свой голос-птицу...
Но перед тем я преклоню колени,
Щепотку вдохновенья испрошу
У тени, —
Только то не Эвридика! —

Вселенский голос скорби и любви,
С которым рядом сам Орфей – безликость:
Эдит Пиаф.

Оэ!
Я петь хочу!
Я петь хочу на языках чужих,
Которые пойму, не понимая,
Которые, услышав, – проживу.
Хочу содрогаться в ритме тамтама,
Лениво плечи расправлять
Под разъедающий слова бандонеон,
Кружиться от шотландской флейты,
Постичь – ситару, домру, мандолину,
Маракас, банджо, кантеле и укулеле, —
И с каждым петь на языке его.
Судьба!
Пошли мне умереть под звуки фаду!...
И если возродиться, то в плену
Забытого парижского романса.

Мне говорят, что песню надо заслужить.
Но право жить, не есть ли право – петь?
Родившись – петь,
И раньше – петь, чем говорить!
Пока глаза от мрака не остыли,
Пока душа открыта небесам
Ловить в себе мелодию Живого,
Ловить во всем мелодию свою!
В ней изливать счастливое начало.
И даже научившись миру,
Не потерять ее —
себя не потерять.
О жизни – плача петь,
С улыбкой петь о смерти,
Но петь всей жаждой только о любви.
Петь, забывая обо всем,
Петь, ни о чем не забывая.

Судьба!
Пошли мне умереть под звуки фаду...

Апрель – май 1988

Стихи от одиночества

I

Один и один не равняется двум
В раскрошенной этой жизни,
Которая нам не принадлежит, —
Как будто кто-то наверху
Любую близость рассекает по живому,
На две вселенные единство разделяя,
Увековечивая черной их разлом.
И половины, потерявшие друг друга,
Болеют тяжкой самостью своей,
Не находящей выплеска,
Но страждущей по вере.

Услышь меня...
Услышь меня как нежность,
Как доброту явления зари —
И ты в ней будешь!
(Тот видишь розоватый блик на небе:
То след твой из души моей).
Услышь меня:
Я – множество. Я – мир.
Я – накануне, нынче и в надежде.
И это все – захочешь? – все твое:
Одно живое слово,
Задумчивый и удивленный взгляд...
Услышь меня!
Услышь меня – всего:
Я – Чистота. Я – Глубина. Я – Боль.
Я – Высота. Я – Свет. Я – Вдохновенье.
И это все даруется – тебе
(Достаточно тебе – не испугаться).
Открой меня – и вместе победим
Промозглый сумрак и сырую тщетность жизни:
Из капель серых – выльемся грозой!
Открой меня.
Открой меня как мудрость,
Как луч кристальный на закате дня.
Услышь меня сквозь гомон, скрежет, лязг.
Услышь меня!...
Увы. Боишься. Нет.
Мы навсегда закрыты друг для друга:
Не слышишь меня,
Не видишь меня,
Не нужен тебе —

Стихи от одиночества

II

Не успеваю за днями.
Уходят.
Меня покидает их трепет и пыл:
Я потихоньку в прошлом остаюсь,
Я понемногу в вечное внедряюсь.
Цепляюсь за отблески детства,
За небо, за нежность, за смерть.
Ищу.
Все время оставляю —
Отражению,
Размышлению,
Покаянию,
Но очень редко – Совершению.
Ибо не вижу смысла в тщетных днях,
В которых прогораю безвозвратно.
Судьба изводит ожиданием
Тех, кто не потекает ей.

Ибо всё приходить должно
Во время – свое,
В свой час.
А что вовремя не пришло,
Оставляет на сердце груз.
И когда внезапно на улице
В чужих глазах,
В чужом напеве
Вдруг повстречаю то, что сам не жил, —
Но по чему так пламенно тоскую! —
Почувствую: захватывает дух
От солнца неизведанного счастья,
В глазах горит, и некогда дышать,
И ноги не несут,
А сердце —
Срывается со всех привычных ритмов
И по квадрату носится в груди,
Смертельной жаждой прожигая кожу...
Так длится миг,
А кажется, что – год,
Ибо потом, уставший, потрясенный,
В стократ сильнее я осознаю
Недостижимость.
И возвращаясь в прежние оковы
Бескрылой жизни тягот и тревог,

Старею...
Ибо всё приходить должно
В свой час,
Во время – свое.

Мне это было нужно в двадцать лет...
А нынче – от отчаянья скорее
Я принимаю запоздалый дар.
Я знаю, что теперь расправить крылья
Мне будет больно:
Кости затекли,
Застыв под неподъемно чуждой ношей
Измаянных невосполнимых лет,
И тело стало слишком тяжело,
Чтобы нести себя в полете.
Слюна во рту сгноилась желчью в яд,
И свежий плод покажется мне – горьким.
Но вот я силы собираю,
И в небеса в порыве безнадежном
Заброшу всю несломленность:
Господь!
Будь благосклонен к тем,
кто поздно начинает.

Июнь – июль 1988

Толпа

Издавека
Глядел я на толпу.
Толпа ревела.
Слепая возбужденная стихия
Огромный стадион
До тесноты заполнила телами.
И эти, жаждой полные глаза —
Почти все молодые —
Устремлены были в одну и ту же точку:
Туда, туда, где впереди,
На крохотной,
Но жарко освещенной сцене
Ломалось несколько уверенных людей.
Они
Эмоцией безумства управляли,
Вздымая опьяненную толпу
И усмиряя, если было нужно.

Какая власть!
Откуда? – думал я.
Какое сокровение несут
Валы всеоглушающего шума,
Который музыкой назвать
Я не посмел бы;
Что объединило
Такое скопище людей в одном порыве?
Быть может, в этом крылся некий Смысл?
Но вслушиваясь, я не находил
В тумане слов
Ни тени одухотворенной мысли:
Одно декларативное начало
И вызова тупую самоцель.
Однако это всё
В толпе неистовой бесменно отзывалось
Ответным чувством,
Пусть не из высоких.

И я тогда, подобно старику,
Посетовал: мол, двадцать лет назад
Такое было еще редко.
А впрочем, я грешу...
Мне вдруг привиделась
В одном луче слепящем
Похожая толпа —
Тому назад полвека —

Вся черно-серая, в движении едином
С мест вставшая,
И руку тянущая по диагонали вверх,
Под исступленный вой
Хорька, плюющего на трибуне;
И, чуть поздней,
Всё те же толпы в марше —
В организованных и правильных рядах...
Что двадцать лет!
Почти две тысячи прошло
С тех пор, как толпы возглашают: «Зрелищ!»
Но как жаль
Всех тех, кто верит в это единенье:
И идолов, стоящих пред толпой,
И жадное обманутое стадо...

Мне известно:
Познание дается в одиночку
И требует отчаянья души.
И я бы не хотел
Делить с толпой частицу вдохновенья.
О нет! Я никого не осуждаю, —
Ни тех, кто юность прожигает в этом,
Ни тех, кто так несет свой смысл.
Хвала им!
Но не верю в их глубины,
Доступные – на плоскости
И – всем.
Издаю
Глядел я на толпу,
С мольбой невольною:
О, обними меня
Как можно крепче,
Одиночество мое!

22 – 23 ноября 1988

Mea culpa /Моя вина/

Так мало боли я могу унять,
Так мало боли,
Чужой боли.
Так мало света могу я дать,
Так мало света.
Так мало зла могу я победить,
Так слишком мало.
Мое оружие – слова,
Мое насилие – надежда,
Которой я не верю сам.
И все-таки...

Так мало в мире мне дано,
Чтоб искупить вину столетий:
Так мало времени,
Так мало вдохновенья.
Так мало...
А кем-то всё уже предсказано,
Предрешено.
И безнадежные слова,
Написанные жесткою рукою,
Уже отправились в историю.
И все-таки...

Так мало веры я могу вселить:
За мною прошлое.
Страшны его уроки.
Так много боли,
Так много крови.
Так много...
Один безмерный крик,
В котором все слова, и ноты, и цвета
Теряются, как слабая дождевка —
В грозе тропической.
И все-таки...

Так мало боли я могу унять.
Так мало...
Так много боли,
Так много крови.
Так много...
Так много...
И все-таки...

И все-таки...

И все-таки...

24 декабря 1988

Заповеди нищеты

Не хотеть слишком многого.
Не просить невозможного.
Ценить то, что имеешь.
Не слишком спешить.

Не любить слишком яростно.
Не терзаться тем, чего не можешь изменить.
Не ждать никого.
Не слишком спешить.

Не доверяться вслепую.
Не надеяться на завтра.
Трудиться, не покладая рук.
Не слишком спешить...

Сколько раз это слышано,
Сколько раз передумано.
Кто-то, может быть, сможет, —
да я не смогу.

Не хотеть, не любить и не ждать – не умею.
Не надеяться, не доверяться, – зачем тогда жить?
Боль – мое ремесло.
Столько силы во мне накопилось,
Стало некогда мне – не спешить...

Есть один высший смысл: Быть Собой,
За себя отвечать перед Богом,
Исключенный из правил.
Из всех.

22 февраля 1989

Если верно...

Если верно, что мысли
Путешествуют
И после смерти людей;
Если верно, что свет от любви
Остается и после ухода;
Если верно, что пламя звезды
К нам идет через тысячи лет,
И мы видим его,
А звезды уже нет и в помине;
Если верно, что боль
Возрастает тем больше, чем мы
Отдаляемся от утраты;

Если верно, что есть в океане тщеты
Острова:
Мы всю жизнь держим путь только к ним,
И когда их находим,
Обретаем безбрежный покой;
Если верно, что всякая жажда
Есть свидетельство жизни души —
И заслуживает утоленья,
Где едины Победа и Смерть;
Если верно, что стоит попробовать жить
Так, как будто бы Вечность есть жизнь, а не смерть,
И всё то, что сейчас не пришлось,
В жизни новой, быть может, направит судьбу
И во всем торжестве воплотится;
Если верно, что я еще жив
И пока что способен внимать, —

Пой, Жак Брель!

Февраль 1989

Anima I

Я знаю: в жизни каждому – свое.
И каждый ищет – тягостно, сбиваясь —
Свой смысл единственный,
Свое предназначенье.
Да вот находит не всегда:
Бывает, человека жизнь уводит
От изначально данного пути, —
И он, прельщенный легкостью, сдается
И посвящает жизнь чужим вещам,
Не сознавая пагубной ошибки...
Я не из тех: мой путь необратим.
Непрощенный, он мною все же найден,
И не – благодаря, а – вопреки.

Есть вещи рук. Они мне не даны,
Я лишь перо в руках держать умею.
Есть вещи тела. Ими проще жить, —
Для них я слишком полон болью.
Есть вещи веры. Мне они понятны,
Но я их отрицаю слепоту.
Есть вещи разума. Достойные усилия,
Они таят в себе жестокий смысл.
И вещи есть души.
Без счету и без меры.
Открыто им все существо мое.

Июнь 1987 – 1989

Мечта о тишине

На этой радиоволне
Мне делать нечего.
Помехи атакуют:
То здесь, то там сплошные вопли, хрипы,
Смех дьявольский...
Уже знобит в ушах.
А если звук приобретает мелодичность,
Значит это шлягер,
В котором слов могло бы и не быть —
Потехи ради
Жующий вместе с радиозвездой.
Там, чуть левее, меня в чем-то убеждают,
На что-то тщатся указать
Чуть менторским, чуть раздраженным тоном
(Предвидя возражения мои).
А дальше чей-то радиосигнал
До одурения свою выводит песню.
Затем я попадаю в бурю,
Меня трясет в каком-то жутком шквале, —
Зачем-то я еще держусь...
Вот, успокоилось.
И снова хрип, —
Чего, чего он хочет?!
Как будто током через мозг...
Нет, в этом ритме я не существую,
Нет, слушать это больше не могу.
Нет, нет, еще раз нет – две сотни раз!
Прошу вас, дайте мне волну другую,
Пусть будут скрипки...
И не надо слов.
Ведь я уже почти оглох, —
А как вы думаете, после всех помех,
Средь этих звуков, словно за решеткой.
Да-да, конечно, скрипки,
И мелодию простую,
И громкость приглушите-ка чуть-чуть...
О Господи, откуда этот грохот!!
Еще раз – нет!
Оставьте же меня, я болен...

18 марта 1990

Бегство IX

Сделать время
Свое – из обрывков былого:
Не всех.
Взять только моменты, имевшие душу.
Вернуть себе призраки детства,
Его жадность,
Свободу,
Мечту,
Еще-предстоящестъ жизни,
Еще-неразбитость всего...
Населить это время знакомыми лицами
И теми, кого я пока что не знаю, —
Но кого так безвыходно жду.
Это время попеременно озвучить
Божественной музыкой,
Глупостями,
Излияниями,
Тишиной.
Напоить его легким вином
И заставить расслабиться в танце.
С ним уснуть,
И проснуться – в нем.
Справить пышные похороны
Чувству долга,
Обязательствам,
Страху,
Суеде о себе.
С этим временем вместе
Поверить в обман голубой ткани неба,
С ним вместе открыть
Тяжесть волн,
Гладкость раковин
И фотосинтез...

Жить временем своим,
Перестать быть заложником века чужого.
Взглянуть в будущее
И, наконец, —
улыбнуться.

31 августа 1990

Без музыки

В этом доме нет музыки.
В этом доме пусто.
Ни ноты Моцарта,
Ни песни о любви,
Ни осколка надежды.
Здесь ходят одни полусонные люди
В своих полузастегнутых халатах,
Они спрашивают друг друга,
Сколько стоит на рынке мясо,
Не изменились ли цены на хлеб
И всё так же ли дождь на улице.
У них в комнате сыро от лени,
Душно от отсутствия мысли
И клонит в сон от пустоты в глазах.
Они не умеют страдать,
Мучиться по пустякам,
И уже не способны к счастью.
Не – стремиться, но: не потерять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.